

ГАЛИНА САФОНОВА

ОДЕЯЛО ИЗ
ЛОСКУТКОВ

Галина Сафонова

Одеяло из лоскутков

«Издательские решения»

Сафонова Г.

Одеяло из лоскутков / Г. Сафонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901241-8

Новая книга Галины Сафоновой написана в необычном жанре афористичной, короткой и точной прозы. В заметках писательницы, согретых сердечной любовью к людям и к родному сибирскому краю, нет места равнодушию, скуке и безразличию. Автор живёт в великой стихии русского языка и российской жизни — и щедро погружает в неё читателя, приобщая его тем самым к великому Знанию и проводя из купели искренности к свету одухотворённого Слова.

ISBN 978-5-44-901241-8

© Сафонова Г.
© Издательские решения

Содержание

Вступление с заключением от автора	6
Были бурёнки, остались мудрёнки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Одеяло из лоскутков

Галина Сафонова

Иллюстратор Никита Сафонов

© Галина Сафонова, 2017

© Никита Сафонов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1241-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот духовный кладёзь мудрости может стать настольной книгой для каждого. С первого же лоскутка читатель погружается в необычайно мудрую философию жизни автора. Как теплое лоскутное одеяльце согревает тело, так это одеяльце согревает душу до самой её глубины.

Н. С.

Жемчужины мудрости, от которых нельзя оторваться... Этот умный труд будет для меня настольной книгой.

Елизавета Ш.

Учитель

Вступление с заключением от автора

Когда меня называют мудрой, соглашаюсь, «нутром» принимаю. Ранг же «умной» вызывает внутреннее несогласие. У мудрой амбиций больше? Нет. Дело не в этом; есть ощущение основы, которую сразу не разглядеть и не уловить. Накопленные знания кажут наш ум, я же состою из оборвышей от всего. Даже профессионально, уча детей, училась вместе с ними и от них. Развитый ум не получил обширных знаний: в школе – один учебник на всех, до 16 лет – без художественных книг, до 25 – заочное обучение. А дальше... и перечислять не буду.

В это же время рядом со мной шли те, кто становились физиками, лириками, журналистами, пианистами... Я же через всякое разное и разнообразное, упираясь, везла «возок», который тяжестью своей лавировал и по пути учил тому, что есть у других. Тут уж было, как понимаете, не до накопления знаний, когда жизнь – бег на длинные дистанции, да с препятствиями. Упущенного времени не вернуть, глубоких знаний не достать.

Господь, так ли я понимаю, что мои выживания и переживания даны для того, чтобы поднимать мой дух, обогащать душу и планомерно уводить от знаний? Ты знал, что с тем и другим одновременно я не справлюсь, для этого у Тебя есть стойкие, могучие, и каждый со своим «возком». Все и всё во благо! Мои «мудрёнки», составившие эту книгу, надеюсь, тоже будут во благо.

Были бурёнки, остались мудрёнки

Начинающим. Мастером устного рассказа в нашей молодости был Ираклий Андроников. Бессознательно подражала ему и незаметно от устного рассказа пришла к письменному. Появилась возможность письменно рассказывать свои истории в молчании и тишине. Так получился писатель. Жизненная дорога каждого вымощена всеми. Это я только сейчас понимаю...

Я люблю старые дома, старые лица и молодой ум.

Читателя-простолюдина люблю всей душой, он всегда чувствует, что я пыталась показать, откуда и восприятие, притом открытое в открытых глазах.

Безбожному человеку литературу создавать нельзя. Что может быть без души? Она, как хлеб без соли, как жизнь без воздуха, как цветы без солнца. Блёклая и не безопасная. Там, где нет Бога, там есть он.

Писатель-невидимка – это я и многие. Видимки другие и тоже многие. Всем нам, уготован Свет будущего. Осветит, будет почётно потомкам нашим, не осветит, будет им стыдно за нас. Страшусь в настоящем, чтобы не испортить будущее.

Главная мудрость – Всевышний, люди – его мудрёнки. Но гонору-то в нас сколько, батюшки-матушки!

«Огонь, ветер, голубь – Троица»: очищение, сила Божья, знак надежды. Так в трёх образах явлен нам Дух Святой.

Я обнимаюсь с вами душой, вы душевно мне отвечаете – так рождается доброта.

Песня ко мне пришла из ниоткуда. Сложилась и запелась, а я, как будто, в сторонке стояла. Создатель всегда чувствует, что я хочу или хотела сказать, и от этого – восприятие приятия или неприятия.

«В Бога богатеть» – это значит, почасовое, временное жильё устраивай, а о Вечном не забывай. Печать – на уста, пока голова с сердцем мысли не согласуют. А вот тогда уж и богатеть можно.

Не терплю, когда выстыло в доме, когда тропа заросла, когда остыла душа, когда попран дух – всё немило, уныло, темно и постыло... В этот миг нужен друг.

Свет Божий – во вне, Свет Божий – внутри. Тот, что во вне, жмурится, но светит непрерывно. Тот же, что внутри, раз от раза вырывается наружу, чтобы с внешним слиться, освежиться и вернуться – душе от тьмы и страха дать передышку.

Отсутствие любви между мужчиной и женщиной не отменяет благородства.

– Ты весь из восклицательных знаков!

– А ты – вопросительное многоточие???

Слова, не прошедшие через горнило души, через испытания жизнью – пустошь сорняковая.

Люблю бороться за правду, но не люблю лязгать политикой. Да я ею и не лязгаю, и не подлизываю. Это она влезает в меня и залазгивает все мозги. Люблю бороться за правду жизни, просто ЖИЗНИ.

Старость голосовые связки съела, а тоска сжевала старость.

Творчество без трудолюбия и чёткого осознания того, что делаешь, превращается в ремесленничество.

Роль матери на земле – мироносицы, а не судьи или палача, она призвана умирять, а не распалать.

Современные люди боятся быть счастливыми, сами перед собой упираются, когда навстречу друг другу надо бежать. Группы кухонных единомышленников – шестидесятники, семидесятники не были толпой.

Ответы в интернете заменили поиск ответов в себе. И спрашивать не надо: к худу или добру. К худу, конечно.

Умей благодарить того, за чью руку ты уцепился.

Есть руки липкие, есть руки скользкие и ещё куча каких есть... Ищу с воздушным прикосновением, чтобы ощутить нежное дуновение любви.

Памятники мраморных кладбищенских «городов» разительно отличаются от памятников деревень. В первых люди наводят порядок, убирают, а из последних их самих убирают.

Венценосный язык – национальный дух народа. Потеряем венец, растрясём язык, не собрать потом; когда закрома пусты, в амбарах ветер гуляет. А национальный дух, где искать? А Бальмонта с его любовью к русским перепевам?

Слово вещественно, как и меч, его тотальная справедливость рубит так же.

«Не люблю» – говорит человек в настоящем, время минуло – уже «люблю». Непостоянство? Продажность? Ни то и ни другое. Человеку, чтобы постигнуть человека, надо Богом стать.

Пишу – страдаю, не пишу – страдаю, но пишу – страдаю» лучше, чем «не пишу – страдаю».

Одинокие глаза на радостном лице говорят о хорошей актёрской игре хозяйки этих глаз. Они совершенно безжизненные, видно, им было отчего запнуться, остановиться и умереть.

На задворках чужой страны самый вкусный хлеб не того вкуса.

Ткнул пальцем в небо, вытащил, а на нём красный флажок: здесь были русские.

Человеку цены столько, сколько в нём (не у него, а в нём) есть ценного, что может отдать, чтобы не взять, что может собой явить миру. Пусть малую толику, но свою. Чем меньше удар по басовой струне, тем больше она раскрывается, даёт больший диссонанс.

Обед приходит каждый день утром. С восходом солнца закрома полнятся – помните: кто рано встаёт тому Бог даёт.

Элитарные отпрыски нашего времени приобретают специальности в основном по папе, по маме, по бабе с дедом. Такие себе наследственные наследники. По себе не пробовали?

Материнское настроение, после того, как дети по голове погладили, градус – вверх. Отцовское, от того же самого, градус вообще зашкаливает. Или чувствительный, или глупый...

Ответы в интернете заменили поиск ответов в себе. И спрашивать не надо: к худу или добру. К худу конечно.

В каждом доме свой домовый, и не один, а с домовятами.

Наших соседей помнишь? Пара, муж и жена, они ещё оба на свою собаку похожи.

Как аукнется, так и откликнется, а если не аукнется?

В кабинете поликлиники сидел бесполезный объект врача.

Чем быстрее бежит укор, тем медленнее становится поступь человека.

Кругом мало мужиков, у заграницы – нате, Миллиона два почти русских наших братьев.

Верхнее образование и нижнее соображение вместе как-то не сходятся. Раскардаш получается.

Серафиму и Аполлинарию сменили на Октябрину с Тракториной. Дальше кого под кого называть будем?

Ночные проблемы у каждого возраста свои. У детей и стариков общие: страх ночи и пи... в ночи.

Чужую рубаху, как не примеряй, она все равно чужой останется – энергетическая несовместимость.

Вросшая в меня деревня – Марк Шагал, не меньше.

Ломают головы над вечным двигателем – додуматься не могут. Спросите меня, я давно уже – он.

Если у него нужда, пусть возьмёт. Если нет нужды, но берёт – отними.

У таких людей светлые моменты бывают летней ночью в Заполярье, остальное время – полярная ночь.

Человек-моль, человек-камень, человек-кулак, а человек-ладошка птиц привечает.

Руки надо в чистоте держать, только тогда они бывают разговорчивыми, а иначе – маханье, а не разговор.

Атеист считает религию недоразумением, а верующий человек его считает несчастным творением.

Раньше всё решалось по просьбе трудящихся, а сейчас по просьбе народа. Кто к кому присоседился, народ к трудящимся или трудящиеся к народу? Никто ни к кому. Одни слиняли за ненадобностью, другие линяют. Линька нации идёт.

«Я» есть во мне. Вне меня его нет. Наружу – это уже ты, это все вы. Да что вы обо мне знаете? А о себе? Вот так и живём знайками-незнайками.

Выучка – это умение скрывать свои чувства.

Премии продажного времени, что гулящие девки, – кому хотят, тому дают.

Душевная тонкость – земное наказание или благо?

– Левым ухом оглох, левым глазом ослеп, левой рукой ослаб, левой ногой...

– ...ушёл налево – шутя, продолжил Егор.

– Ты прав, сосед, надо было иногда уравнивать и направо. Видно, левое полушарие того.

– Диагноз налицо – атрофия мозга-левака.

Сердце – дом для души, насос для крови. Работает для себя и для тебя.

Если правитель думает о стране, а не обо мне, он не мой правитель, себе собственный, с закромами про чёрный день.

Живи так, чтобы не стать сторожем своего имущества. Просторожишь время – жизнь упустишь.

Из омута удовольствий, в который «с головой», выползают, чтобы услышать одно лишь желанное слово «живой».

Если у человека нет головы, значит, она застряла в чьей-то заднице.

С абсолютной правдой жизнь – не мёд, а скорее, сладкий яд, потому что запереть себя собою же в придуманном абсолюте, что есть глупее. Абсолют – Бог, и точка. Наша правда всегда относительна.

Русскому поэту дано понять силу слова, всем остальным – силу мата. У каждого времени – своё.

Золоту – горнило, камню – оправу, человеку – расправу, и все блестят.

Рот в пиве – зад в крапиве.

Гармония в семье дом наполняет.

Их забыть – себя не помнить. Что не сеяли, пожнём.

Гражданская потребность русского человека до того развита социализмом, что тебе всё время хочется быть нужным; ты уже в нужнике, уже смыли – нет, всё равно булькаешься и в бульках своих полезительность видишь.

– Жаних – куды дяватца! Смех, конечно, смехом, но шутки на сторону – хреновый жених.

– Сойдёт под холодец да с брагой.

Не всё написанное пером пользу несёт, его ведь не вырубешь и не выкорчуеть. Учусь производить отсев, чтобы не впустить «умные» мысли из чужой головы в свою буйну головушку – доверчивая больно.

Беспардонное отношение делает человека хамом. А хам – от Хама, и отца не пощадит (удвоенное хамство получается).

Старость, как младость, много не спит. Только причины разные: молодым гормоны не дают, старым – горшки.

У тебя всё не славу Богу, всё не как у всех, единолишница ты (ругательство соввласти не выветривается).

Министр (ша) сельского хозяйства (смешнее не придумаешь) – человек-невидимка и неслышимка, такая шепотушка-на-ушко. Не бывало, говорите? Так теперь есть, правда, с.-х. нет.

Птица в клетке не может писать историческую летопись птиц, а человек приспособлен писать людскую правду лишь в клетке.

Цена жизни – момент прикосновения души, чем их больше, тем мы Божественнее.

– Будь учтив.

– А что это значит?

– Это значит, своим не маячить.

Энергия живых городов ничто по сравнению с энергией мёртвых кладбищ.

– «Убежище пристанища не ищет»

– Не ищет, осознало, что оно – убежище, и научилось само в себе находить для себя убежище.

Победа и поражение рядом идут.

Вялый руководитель, что вяленая вобла – продукт вкусный, но бесполезный.

Насиликоненные лица пожилых людей вызывают ощущение покойницкой косметологии.

Иголка – это полезно и больно.

Пыль и есть пыль, и говорить о ней нечего, если ты сам не сделался пылью.

Быстро не вырастать – материнская просьба.

Умеешь жить, чтобы одно платье было многими?

Будешь клюшнями обнимать, отрублю и присобачу нормальные. Говорить умеют все члены тела – сделай руки разговорчистыми.

Каждый сам качает своё одиночество.

Имеющий детей не имеет себя у себя.

– Ночь удалась бессонная.

– Почему?

– С внучкой из Гонконга летела.

– Как?

– На кровати круг самолёта грозу отгоняла. И вот что скажу я вам: чем трескучее молнии, раскатистее гром, тем меньше о себе понимаешь.

Всем мужчинам иногда хочется молодого тела, а моему мужу его хотелось каждый день и разного, и помногу. Надо было бы поменьше, пожил бы подольше.

Возможность совершать каждодневный подвиг даётся не каждому. Многие из тех, кому она дана, не узнают её, считая наказанием, а не Божьей благодатью.

Лица, ситуации меняются, а в душе по-прежнему остаётся поиск. Ищу и не нахожу, того, что ищу и кого ищу.

Осведомитель и стукач – от одного отца и матери. Оба этих «дитя» одинаково закладывают.

Простолюдных кровей корни не меньше царских маются, думается, ещё и больше, так как к земле в наклон много веков стояли именно они. Именно к ним взывает кормилица, их кличет – не докличется.

К праведной жизни стремится душа, к разуму стоит в поклоне и слышит земли вопрошающие раскаты, дескать, не виноватая, за что распятая?

Бездумное подчинение принесёт свои плоды. Но, правда, будут они не съедобные. На пустыре мозгового центра не взрастить путное, задубелость ума годами дубеет, дубеет и в итоге выдубливается. Ну разве что дуб?

«В каждой вещи я вижу Бога, но совсем не понимаю его». Что лучше: фанатизм религий от непонимания Бога или наша предательская вихлястость в православии?

Разбалансировка телесной боли, когда не чувствуешь боли.

У детства нежный возраст, у старости хрупкий, как одним, так и другим бережливый уход нужен.

Сладкие разговоры и доблоречивый язык строят кокон, а правдивый и справедливый – без штанов и ножик за голяшкой.

Её красота величественная притягивающая и в тоже время пугающая и отталкивающая для тех людей, которые не могут совместить красоту внешнюю с её красотой внутренней. Именно этот симбиоз создаёт истинно красивого человека.

Чем больнее бить в сердце, кованым сапогом или каблучком модной шпильки? Больно всем, но больнее всего, если они обуты на любимые тобой ножки.

В морозы иней, торчащий белыми колючками из меха, делает человека ёжеподобным. Друг друга не разглядеть. Морды не видно, глазьям – обзор и – в дозор.

Работа плечи сутулит, а безделье – душу.

«Качаю» боль, как дитя, пустоту заполняю.

– Поджилки трясутся.

– А жилки?

– Кишка тонка.

– Поступок или отношение к поступку?

– Поступок.

– Принимать решения или действовать?

– Действовать.

Твоя отвергнутая любовь – голод души, он более значим, чем голод тела. Той отвергнутая любовь – жалеяка в душе за его душу. Ты моя голодная жалеяка.

– Нелёгкую, неприятную правду, лучше не писать, лучше не говорить, и не переживать с ней вместе.

– И кто ты после этого?

Лица, лица лица... Родные – неродные, неродные – родные...

В её стихах продираться надо, зато, как в густой сибирской тайге, обнаружишь большую земляничную поляну, обрадуешься. «Даже птице не годится жить без родины своей»

У каждого народа свой метод общения с Богом, и у каждого он свой: у чёрных чёрный, у рыжих рыжий...

Мы для всех – два человека, для себя – один.

Взгляд нежности на новорожденного – удивление, таким же нежным удивлением способен одаривать любящий.

– Как познакомились?

– Положил на меня глаз, что масло.

– Жалко его, заграница не сестрица, сломала.

Секрет гармонии семьи: призришь – получишь.

Деликатный человек – редкий деликатес нашего времени. «Я готов целовать песок...» – грустно пел он на берегу моря и говорил. Уже слова закончились, а он всё говорил и говорил.

– Ты чем хочешь быть, юбкой или кофтой?

– Честно?

– Честно.

– Твоими трусиками.

Смирение духа – не бездействие, а осознанное действие человека. От дикого скакуна, не объезженного смирением, что пользы?

На разломе перелома хорошо виден секрет русского характера: гнётся, как ива, ломается, как сталь.

Хорошо знать жизни жизнь, в трудную минуту – это спасение, как для одного отдельного человека, так и для целого народа.

У иного человека глубина слов неизмеримая, как воды океана, а у иного другого не слова, а дождевые бульки по воде: много, часто и ничего.

У гроба матери ни страха, ни стыда – детская беда.

В юности копила деньги на книги, чтобы купить, в зрелости коплю деньги на книги, чтобы издать.

Молочный чан станет полным, когда мужики научатся на «ты» разговаривать с рыночной экономикой. Но их не только не учат этому, их гнобят за то, что сами ковыряются что-то понять.

Этот изворотливый вуй оборотнем обернётся и ко мне, и к той, другой ангелом вернётся.

И пошаркал папочка, потянул свои тапочки.

Трепетное цветение черёмухи вошло в самую пору!

«Хрум-хрум и носа нет», – сказала мышка, напугав мальчишку.

– Садомазы кругом. Толерантности нет места. – Чего так-то уж чёрномыслие качать? Хоть по одной особи да уцелело. Размножение требуется, только и всего лишь.

Зарево бывает или красное, или золотое. Никаким зарево не бывает.

Бедность и нищета – сёстры от разных отцов. У первой теснота, беднота с чистотой, у второй – клопы, вшами с грязью.

– Накеросиненная вша.

– И что?

– И ничего.

Заслонка от боли. Перекрывает самостоятельно. Отгородив чувственный аппарат от очага возгорания, предупреждает сгорание жизни.

Из-за жертв, из-за пролитой крови, человек уж не чувствует боли.

Покаяние, исповедание грехов, и слезы – круг берёзы. С плачущими смеётся только ненормальный.

«Обида может быть причиной наших заболеваний». Ещё сомневаются – «может». Пол-страны от обиды заболело, койкомест не хватает в психбольницах. А как вырвутся на волю, да побегут? Спроси их: на что обижены, не ответят. Топь.

– Корпоратив – это когда по... раемся на дармовщину.

– А когда за свои?

– Когда за свои кровные – это уже складчина. Так выпьем за Новый год и силу слова русского.

Китайцы огурцу поставили памятник, имеют право, вырастили. На просторах Сибири земли много.

Крестьянин видит дальше, чем ему показывают.

Правитель – вещатель, а то протискивает слова в щель еле раздвинутых губ, будто челюсть повреждена и не терпит широкого диапазона. И голова с шеей сцеплены намертво, повороты делают вместе с туловищем. Чека—начеку.

Похотливый, блудный кот завсегда себе найдёт.

Деревни, тайгой проглоченные... Чем зарастать, как не Сибирью.

Разложили мужика на платежи, а я летаю, драным подолом страну закрываю. Мерзки мы, и слёзы наши мерзость.

Родимые. Умолкни разум – дорогу сглазу.

Зарубка на память: жили не напрасно. Зарастать – не прирастать.

– Мозг кушать хочет.

– Кто накормит?

– Кто накормит его, тот и скушает.

Женщины в политике, что сбой в генетике.

Не интересно писать людей двадцать первого века тому, кто не может ввинтиться в новую жизнь, в жизнь молодых. А как бездонно и беспредельно в их мире! Свою историю пишут.

День Памяти. Пишу «лоскутки» памяти и сшиваю их в одеяло правды, чтобы было чем в будущем укрыться или раскрыться, как повезёт.

Нет различия до неприличия: коммунистическая была одна, сейчас много и все коммунистические. Десятилетие в столетие складывают. А совесть, честь, любовь к труду? Ничего я не пойму...

Мы трусы! Даже тогда, когда жизнь дарит нам улыбку, нам лучше пострадать. Пленники разума! Сами себя взяли в плен, самим и вызволяться.

Воздух свободы поднимает крылья, любовь родины вдохновляет на взлёт, милость Божья оберегает полёт.

Книга народной важности «Быть себе нужным (ой)». Вертаемся из общественной уборной в свой частный клозет.

Дипломатия для низов – чтоб верхи не достали.

Дух крестьянской борьбы и свободы на краснах ткан, в печи калён, на солнце дублён, и вот об эту дублёно-калёную ткань ноги вытирают.

Национальная идея? Национальная идея – в мешке с деньгами и мудаками. Межсезонье бессознательного существования изрядно затянулось.

В государстве жить сожителем, что состоять в гражданском браке, ни ты никому ничего, и тебе иногда по милости.

«Мечты бесполезны до тех пор, пока мы не начинаем их осуществлять» (П. К). Размечтался! Кто у нас даст их осуществлять?!

Когда все дневные «Новости» страны состоят из положений чрезвычайных, пора задуматься над происходящим. Не бывает дыма без огня, а огня без спички.

«Политическая культура человека – это то, что он думает о власти». У меня всегда мысли одинаковые. К чему бы это?

Защищённость в завтрашнем дне чувствовала, живя на крестьянской земле. И дочь – поросль молодая, то же чувствовала. Не одна, значит. Значит, правда в этом.

Не ищи авторитета в рабочем квартале, ищи в авторитетном переулке или на Рублёвке. Красиво жить в говённом месте – высшее искусство. Это называется – дожились. Вашу – маму и вашего – папу!

Россия без Путина, что девка беспутная. Учусь громко говорить слово «Родина».

Социум – утерянный ум целой нации, как у некоторых видов живых организмов, не обладающих необходимыми способностями для обеспечения своей материальной жизни. Обидно, господа и господины!

Жуткое лицо страны. «Поел глазами и уходи из магазина», – сказала бабушка-пенсионерка, обречённо пересчитывая свои пенсионные рубли у прилавка.

Страна – она, государство – оно, сколько неопределённость не прыгает, всё равно – средняя неопределённость. То ли лошадь, то ли бык, то ли баба, толь мужик. Не пристало растворяться в «оно», над ним есть «Он».

Родиться в России, не значит в ней же сгодиться. Де-факто. Тяжёла ездка по свету.

Российское общество – расчленённая масса тел.

О родной земле вспоминаем в День работников сельского хозяйства. О ней «соловьи» мотыльковые поют, бомонд Кремлёвский садится рядом. Чувствуют, что в этом месте родина живёт.

«Пятнадцать республик, пятнадцать сестёр» – мертвецы прошлого. Жуть!

«Мораль и политика не совместимы». Получается, что все политики аморальны? Получается, а ты как думал?

У Храма Гроба Господнего колышется народ в ожидании Благодатного Огня. И лес поднятых рук, тянущихся выше, выше. То ли хотят Огонь поймать, то ли Христа пеленать? Чудо свершится, а лба перекрестить нечем – руки сотовыми заняты.

Жизнь, в слова вложенная и размноженная, силу имеет.

Нарванных человекoв всегда остерегаюсь, но, видимо, недостаточно. Они раз от раза достают меня.

«Сажающий и поливающий – ничто – всё есть Бог, который возвращает». Но без сажающих и поливающих Богу не возвращается. Так и у пишущих, когда благословляется ИМ рука, когда читается людьми, тогда и смысл есть.

При замедленном ходе жизни карта маршрутов не мешает. Чтобы не цеплялись, шаркая, ноги, не дрожали бы руки, с работой в разлуке, не туманили глаза чужие заботы, чтобы мозг не забыл кто ты, не... «Не» с глаголами пишется раздельно.

Это знает каждый. Человеку дана судьба. Одна. Пути-дороги даны. Много. По какой топать? Выбор индивидуален. Так зачем утяжелять, для чего лязгать? Просто так поговорить? Али для соблазну?

Азарт во всём имеет вид базедовой болезни, когда человек чуру не знает.

Утро не в утро, когда душенька твоя не шкварчить – не просится на бумагу.

Духовное банкротство нации уйдёт после прочтения и осознания каждым единственной книги – Выдающегося Памятника Мировой Литературы – Библии.

«Я не знала, как быть любимой мужчиной», – сказала моя героиня и посмотрела глазами потерявшегося ребёнка.

– У меня два тела: одно моё, другое лишнее. Муж любит нас обоих, – так оправдательно звучит успокоение. Оно уходит, когда до одури хочется самой любить мужа. «Глубина падения» имеет измерение: чем больше тебя, тем глубже «воронка».

Она не будет первой женой и последней не будет. Она единственная.

Он говорил о любви.

Она смотрела на него с жалью. Полуживой, с полумёртвыми глазами, без малейшего понимания этого чувства...

Он хотел тела.

Косяк, подпёртый лбом, символ сумасшедшей любви. Раскуренный косяк, символ любви к косяку.

Галя, не предавай Галю!

Умей уйти, не приходя. Доверить жизнь другому человеку, который твой – не с тобой, НЕЛЬЗЯ. Когда-то он повернётся холодным задом, ты, раззявив рот, будешь окаменело не дышать. Умей уйти, не входя, а лучше выйти не входя.

– Ты хорошая женщина!

– И не говори, сама себе завидую!

Способен оплатить ужин с женщиной только 50 на 50? Утишь бряцанье половым «оружием».

В бороду заросший человек (Н.С.) – это какой? Или выпендрёжничает, или прячется.

Бодливая корова рога ломит.

По писчему листу – злом, что ножом по дереву. Дерево соком истечёт, человек жизнью. Напугаешься, вспоминая, кого и за что. Не пугаюсь. Не грешила. А плётки плела, баб же хлебом не корми – дай поговорить. Стыдно, но лучше бабская натура, чем сучья.

«Жалею тебя» для меня стоит больше, чем затасканное «люблю». В нём эгоизма меньше, заботы больше.

Может ли физически здоровый человек быть ментальным инвалидом? Может. Этому подвержены эгоцентристы и лодыри.

Реплика подростка после первого посещения кладбища: «Как задумаюсь, что все вокруг умрут, прямо, Холокост какой-то?!»

В её Темноте наш Свет не зажжётся, так зачем беспокоить его, её и себя. А вдруг?

При пиковой ситуации страх путает мысли человеку. Он растерянно цепляется за ложное успокоение. По инерции продолжает жить, но узел-то не развязан. В старину учили: не можешь развязать, разруби и концы в воду.

Нетрезвость ума делает нетрезвым тело.

Жадный заряжает телефон в... гостях.

Человек высоких стандартов не умаляет достоинства других и не унижает недостойных. Каждый под своим колпаком живёт.

- Не вижу, что там актриса делает?
- Или работает, или снимает ноги.
- А руки?
- Их она уже наснимала досыть.

Трудно идти, когда ноги не идут, трудно петь, когда сердце не поёт... А ты попробуй! Когда спляшешь, тогда скажешь.

Человек мне интересен на столько, на сколько он интересен себе, а если себе не..., то и мне не... Простая истина.

Остановка пришедшей мысли вмешательством извне подобно лассо, заброшенное на шею мирно пасущегося животного.

В личке напишу сообщение и забуду отправить. Сижу-жду с моря погоды – вроде ответный клик должен быть. Потом обнаруживаю, что лоскуток мысли моей на месте. Читаю, а он уже потерял свою значимость. Гневливые письма так-то надо забывать. Пыл пройдёт – дружба останется.

В мастерской писателя, как и в мастерской сапожника, есть свои инструменты и свои заготовки.

Дремучесть в дремучести не видна, а качни чуть в сторону света – увидишь беспросветную ночь её головы.

Сладко сторбленной улыбочке не верь, а иначе, всё полетит к хренам собачьим.

Услужливый дурак с добротой не дружит.

Всехним детям на заметку. У родителей в старости каждый День рождения – Юбилейный!

Каждая моя новая книга – обновление моё.

Любовный роман не о нём, не для него, а посвящён ему. Он – физическое лицо, помогшее озарить юные годы моей же любовью к нему.

Не обесценивать свою жизнь, тем более чужую. Свою отдашь не за понюх табаку – твой выбор, а за чужую – ответ держать. Как наткнёшься, так содрогнёшься.

Не хочешь спать? Закрывай глаза и изображай сон. Помогает.

Моя книга – это скрыня пережитых чувств. Скрыня моя и чувства мои. Пусть станут вашими.

Поздравление от соседки из Львова, полученное сегодня, в бряцающее, пугающее оружием 9-е Мая, восхитило! Ей 95! Военная медсестра. Войну прошла рядом с мужем, и японской прихватили. Любящая пара (русская и еврей). Он ушёл раньше. Она живёт и согревает других своим теплом. Так выглядит тихий парад скромной русской души!

Навострившаяся тишина закатного вечера. Передо мной дорога противоречия: стремительно – вперёд и тоскливо назад. Жизнь, когда противоречие не до вечера, тропинку кажет, умей разглядеть её и не бойся росной травы.

Молодые молодостью хороши! Зрелость силу свою кажет! А очень глубокая зрелость привлекает красивой старостью!

Сегодня болею своим Красноярским краем. Серьёзно болею!

Ржавая улыбка жены смыла мужнее настроение.

Мои народные выражения украшает серебристый смех Василисы, моей внучки, выросшей вне родины.

Слышимый диапазон голоса, говорят, малая малость того, из чего он состоит. Значит, жить во весь голос – комариком пицать? Вот нам и «сбычи всех мечт» земных.

Весной и крапива красива.

Обед нарушил её талию.

Умеешь слушать – пиши. Умеешь чувствовать – пиши. Умеешь быть благодарным – пиши. Умеешь облегчать людские страдания – пиши. Без этого – НЕ ПИШИ!

Уборщица, прибиральщица, служанка – это десятилетний труд переселенки. И это моей писательской жизни удача.

Невидимо и неслышимо отмирают клетки тела. Плачущими струнами рвутся лишь нити души.

Если ты не осознаешь, что такое жить за «занавесом» или за решёткой, писать о советском образе жизни нельзя – заблудишься сам в себе и других уведёшь от истины.

При каждом удобном случае полощет трусы своей жены, как будто своих мало.

Бояться и беречься – не убережёшься. Беречься без бояться – самое то.

Дуреть с ума запрещается. Набери воздуха, не держи, дыши и говори, дыши и говори. Ор тоже разрешается – хорошо лёгкие чистит.

– Не держи меня за коврик у порога.
– Тогда не стелись.

Задаренные дети хуже, чем закормленные. Последних легче привести в чувство.

Никто не догадывался о его одиночестве. У человека состояние «не живу» тянется день, два, месяц... Стоит окликнуть его – и уже «ЖИВУ»! Ищите, кого надо окликнуть.

Шёл человек осликом, с опущенной головой. Через забор ветка китайской розы вытолкнула дитя своё алое. Ослик наткнулся на цветок, остановился, удивился... Дальше пошёл не осликом.

С утра я – молодуха! И гоняю себя старуху. А ввечеру старуха душит молодуху. Как тут понять эти возрастные особенности?

Безучастная природа безучастно участвует в жизни человека. Увидь в ней Божественный смысл. Тогда невидимый станет видимым, неслышимый – слышимым, полупустой – полуполным. И душа наполнится талым воздухом весны, стройностью июльского хлебного колоса, тишиной осеннего сада, хрумящим скрипом снега. И Бесконечностью.

Ты ещё не зашёл в вагон, но тебя уже не выпустят на воле погулять, пока не удостоверятся, что ты – это ты, и что ты там был. Хорошо ли это? Ещё как хорошо! Стране есть до тебя дело.

Есть первая тоска по родине, есть вторая, третья... Но никогда не бывает последней.

Любовь с покорностью не путать. Любовь навсегда, покорность до поры до времени.

«Дорога ложка к обеду». Согласна и очень, так как ни в завтрак, ни в ужин я не ем, а пью.

Мрачные книги светлого человека настораживают.

Цветение и Тишина, и ты услышишь Весну

Муж и жена – одна сатана (так старые люди учили). И так правильно. А муж, жена и собака – это что-то другое. Один, другой или оба вместе прячутся за третьего.

Ощущение от тебя очищенной морковки – хрум, хрум. А ещё потешней – высохшей жизни фрукт.

Глупо не иметь, а иметь ещё глупее. Лучше не иметь.

Орган внутреннего сгорания у каждого индивидуален.

Добренькой побыла, дальше – доброта с рассмотрением, и не будет ни обмана, ни самообмана.

Одни охотники за головами, другие за миражами – вы из каких будете?

При генеральной уборке головы в мозгах пыли не бывает.

Живи так, чтобы было кому за тебя помолиться.

Дети забуриваются в работу, а у матерей сердца ломит.

Человек не саквояж, в багаж не сдашь.

Заходи – не бойся, выходи – не плачь (Т. Г.)

Робость перед толпой – комплекс, робость перед мужчиной – пропащее дело.

Решаю, не дорешивая. Пишу, не дописывая. Живу, не доживая, уйду, не пройдя.

Ощутить или почувствовать. Что первое?

Моя правда оказалась неправдой, истина отсутствовала. Разгубилась, знать-то, я совсем, себя не узнаю. А может, никогда и не знавала себя-то?

«Жизнь рождает искусство или искусство жизнь?» Удивилась, согласилась: искусство! Оно в нас, мы им «беременны», только надо потрудиться «родить» удачных «деток». Тан-дем головы и сердца даст прошлое, настоящее и будущее. Успевай попевать и подпевать! А жизнь? Она разрешится новыми жизнями.

Быть – тяжкая ноша.

«У меня перестали быть глаза», – сказала девочка и закрылась руками.

Получение дохода от прихода.

Ненасытная Душа. А чем насытиться?

– В театр, одно желание – в театр, – сказала она, усмехнулась хитро. И с гордецей добавила: собралась проветрить мужнюю красоту и людям показать.

Один – монолитный, второй – лёгкий, но это не значит, что первый – бетон, а второй – воздушный шарик.

«Нужен/а» – жизненный рычаг.

Послесловие – указующий палец автора. Предисловие – реверанс.

Я не в теме жизни, как та собака, которая перестала понимать жизнь.

Иного человека хочется шторкой задёрнуть – так постыдны его речи.

Торопись насыщать душу, а не утробу.

Для уязвления души все средства хороши. Перебор – и точка невозврата.

На гитаре аккорда не взять, если играть не научился. Жизни у жизни не научился, а рассуждаешь.

Цена скромности. «Ты такую красивую девочку родила, мама! Жаль, я лишь сейчас об этом узнаю», – сказала пристально смотрящая на себя в зеркало стройная старушка.

«Доброе утро» говорят. Про спокойную ночь не вспоминают, про день забывают, так и получают томные ночи и утомительные дни.

Чувства, одетые в слова, чувствами и останутся, только бы у одежды покррой был правильный.

– Бывают интердевочки, бывают интермальчики, интересно, бывают ли интербабушки?

– Бывают.

– Запишите меня, если у вас с интердедушками проблем нет.

– Мама дома?

- Она уехала в магазин. Там сегодня продают «нечего надеть».
- Зачем?
- За «нечего надеть».
- А что это такое?
- Не знаешь? Это вещь такая, её у мамы никогда нет.
- А куда она девается?
- Не девается, а надевается.

Пообщались. Я с интересом к интересу, она с интересом к себе.

Если человеку не хочется жить, значит, каток с родных дорог расплющил его основательно.

«Не хочется» убрать, на обочине переждать, пока не вернётся «хочется». А каток? Каток и есть каток. Пусть катится с Богом.

Жизнь – рояль, и клавиши двухцветные. Спасибо, жизнь, другие цвета сама раздобуду.

Два метра красоты (родная модель).

Помогите телу – душа подтянется сама.

Безденежный писатель – голодный писатель. А «на желудок петь голодный...» сами знаете. Да и кому на хрен надо, чтобы ты пел?

Творческое долголетие напрямую зависит от долголетия физического. Не понял, пеняй на себя.

Чувствовать – творить – всё это любить называется. Бесчувствие порождает пустоту.

Убульканная душевность к добру не ведёт. ТВОРЯЩЕГО ТВОРЦОМ ДЕЛАЕТ ДУХОВНОСТЬ.

Я стала учительницей, потому что моя учительница умела красить губы «наизусть».

«Хлеб стыда» – это то, что упало тебе с чужого стола. Труд – главное удовольствие, если за деньги, а не за рабство.

Человек говорит тебе слова, ты же пишешь его мысли. У всего есть причина: почему ушёл, отказался, вернулся... Читаемые мы.

Не написать, что Господом наговорено – это стыд, а не издать, что дал Господь написать – это грех.

Важно не знать, а уметь – знатоков много, умельцев мало.

Позитив не негатив, с ног не сшибает.

Есть в жизни вещи, заставляющие жить. Свою «вещь» каждый знает.

Комплименты – хорошие слова, но и ехидными бывают тоже – гляди на рожу.

Нехватка денег – домкрат, поднимающий легко и быстро.

Лёгкие деньги дурно пахнут, в них нет пота лошади.

Думная голова махонькой не бывает.

Хреново дело без дела. А может, это тормоз без тормозов? Чтоб на больше и на дольше?

Мало спасти человека от самоубийства, его надо сделать согласным с собой и с жизнью земной.

Словесный бисер строки осудит или оправдает, равнодушным не останется. Пишем дальше.

Старость перебивать нельзя. Отвлёк, с мысли спрыгнет – пиши пропало.

Молчаливые дядьки при обыске ходили сапогами по детскому ковру. Игрушки ломили. Молчаливая я смотрела на отпечатки их подошв и думала: «Бедные, бедные дети» (их, не мои). Для своих я счищу грязь от этих ног.

Закрытого телом молодого человека ежели стервь откроет – пропал вьюноша. Будет вьюном, думая, что нет лучше и краше на улице нашей.

Внутри меня нет меня...

Может ли быть пробуждение в радости, когда человек внутри себя себя не ощущает? Может, если в нём весенний сад в нежном убранстве стоит. И тишь, гладь, да Божья благодать... Спасибо, Господи, за жизнь.

Старость – это когда не можешь вспомнить, куда летят твои дети, откуда возвращаются, но одно знаешь – летят. Они летят, а тебе уже не угнаться. Смотришь на Небо, благословляешь Его, просишь благословения у Него. Успокаиваешься и живёшь с улыбкой, если способен почувствовать улыбку Творца.

Вот, видите, они своей агитацией хотят меня испортить. Я в скором будущем хочу быть единственным экземпляром натуральной старости – с морщинами дорог по лицу, с губами – для поцелуев внучатам в макушечки, с приспущенными веками глаз, с поперечными морщинами у рта, обзываемыми «собачьей радостью...» Мало ли с чем, важно без чего.

Тебя уж нет, а запах любимого тела для меня – удушье и пронзительная мелодия печали.

Рецептам еды конца не видно. А много ли надо? Надо то всего: мисочку борщика, шматок мяска, кашки горочку – да чтоб натомившейся, да из печечки, да чтоб из русской. Ну и огурчик, хрумкающий. Приятного аппетита, гурманы!

Одно слово «уйди» может вернуть жизнь. Что в нём особенного? Ничего. Уйди, приходи, возвращайся – рядовое, как все, но вовремя пропечатанное своим участием и пониманием ситуации спасает. Здравия тебе и благоденствия, Слово! Уйду, заранее зная, что там я проиграла. Выиграла с тобой.

И захотела бабушка сама у себя внучкой быть.

«Когда человеку не о чем петь, и не поётся, и не слушается, и голос здесь не причём» (Н.С.) А ведь у писателей происходит то же самое, если не о чем писать, слова сбиваются в кучу бессмыслицы. А куча и есть куча. Растормозить развитие, на реальность раскрыть глаза, ощутить внутри Божественности свет и тогда «да». Господь, спасибо за жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.